

Вот уже 45 лет нет с нами Василия Шукшина – ровно столько, сколько ему отвёл Господь прожить на белом свете. . .

Он последовательно и настойчиво отстаивал в своём многогранном творчестве – будь то литература, публицистика или кинематограф – идею русского национального самосознания и высокой духовности, неустанно утверждал нескончаемость добра и безграничного великодушия соотечественников.

По Шукшину, душа каждого народа, в том числе русского, аккумулирует в себе таинственную сеть образов и понятий, как и язык, культура, религия, закладывает основу национального бытия, видения и осмысления мира, особенности национального мироощущения.

Это вовсе не означает, будто Шукшин видел в исторических деяниях соотечественников некий высший мессианский знак, напротив, его творчество – это попытка оптимально приблизиться к пониманию гармонии мира и человека, осмыслить причины разрушения этой гармонии в самобытном национальном преломлении на примере драматической судьбы русского народа, это скрупулёзный анализ постоянно меняющихся душевных состояний, переливов, сотрясений и переживаний русских людей в самые критические, кризисные моменты истории, честное и объективное отображение рокового надлома русского характера под воздействием навязываемых ему извне негативных обстоятельств и неудержимое стремление их преодолеть.

Познание души русского человека в самых что ни на есть оптимальных катастрофических обстоятельствах – исконная традиция нашего национального искусства во всех его видах, жанрах и направлениях: вспомним шедевры древней русской литературы, воплощение трагических обстоятельств и испытание ими русской души в гениальных творениях Л. Толстого, Достоевского, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова. . . В контексте этих художественных трагико-драматических традиций развивалось творчество Василия Шукшина на материале современной жизни России.

Шукшин выступает как подлинно русский национальный художник гуманистического мирозерцания, ему глубоко чужда ксенофобия, а следовательно, предельно отвратительна и русофобия.

“Без национального самосознания как основы невозможно создание общемирового сознания, – пишет публицист из Сан-Франциско, наш соотечественник Владимир Беляев. – Пропагандистам интернационализма это следует

собствен: чересчур часто они противопоставляют интернационализм сознанию собственного национального достоинства, клеймя последнее ярлыком “шовинизма”. На самом же деле “интернационализм” возможен только как производное от здорового, не ущербного чувства собственного национального “я”. Если интернациональное чувство вступает в противоречие с национальным, то первое будет рано или поздно сокрушено вторым” (Беляев В. Душа народа // Литературная Россия, 1991, № 22. С. 20).

Осмывая историко-трагедийный опыт России на протяжении её многовекового развития, Шукшин приходит к заключению: как психика отдельного человека, так и душа народа, нации подвержена тектоническим деформациям, которые периодически прорываются наружу взрывами демонической разрушительной силы, губительными для человека и общества, для всех сколько-нибудь существенных цивилизационных обретений. Особую опасность представляют разрушительные атаки не только извне – в виде войн и колониационного порабощения, – но и внутри общества, направленные на нравственное и национальное разложение народа.

За свою многовековую историю русский народ, быть может, более других народов подвергся опустошительным антицивилизационным атакам с целью полного уничтожения его самосознания, национального достоинства, духовно-нравственной прочности, а народ, лишённый этих живительных качеств, как известно, уже не народ – беспамятное и бездумное население, некие манкурты, готовые легко расстаться с духовными обретениями своих предков. Такова в общих чертах сущностная историсофская основа понимания Шукшиным прошлого и настоящего своего народа, служившая ему надёжным мировоззренческим фундаментом в осмыслении человека и родной национальной истории.

... Наступил качественно новый этап в изучении творческого наследия В. М. Шукшина. То, о чём не так давно говорили с осторожностью, с оговорками, словно бы опасаясь перехвалить его самобытный талант, ныне обнаруживает свою бесспорную и убедительную очевидность, а именно: философское мышление Шукшина, нашедшее наиболее сильное выражение в его остро разящей сатире (“До третьих петухов”) и историческом романе “Я пришёл дать вам волю”. К слову, название романа заставляет вспомнить крылатую пушкинскую фразу: “На свете счастья нет, а есть покой и воля”. Воля, в понимании писателя, – это необоримое, вопреки всем препятствиям, обретение национальной и духовно-нравственной свободы личности в контексте сложных и противоречивых жизненных обстоятельств.

Величие Шукшина сегодня осознаётся как непреложный факт, не нуждающийся в специальных доказательствах. Стало быть, время споров о месте этого выдающегося художника в нашей литературе миновало.

Намечается множество новых, весьма плодотворных путей научного понимания шукшинской прозы, среди которых наиболее многообещающим является изучение его творчества в аспекте традиций и новаторства, тесного взаимодействия с соловьевской эстетикой и художественными традициями Достоевского, Чехова, других классиков, ставящих в центр своих творческих поисков “маленького” человека (у Шукшина – “чудиков”).

Окончательно развеялись и, надеюсь, ушли в небытие обывательские легенды, среди которых самым жгучим и пошлым был миф о “полукультурности” “самородка” Шукшина. Шукшин – писатель-философ, мыслитель. Так надо ставить нынче вопрос и отталкиваться от него в толковании его художественно-эстетического и морально-этического идеала.

Лучшие критики и литературоведы правомерно выводят прозу Шукшина из классической традиции отечественной литературы. “Истоки шукшинского стиля восходят к пушкинской прозе, которая характерна занимательностью, стремительным развитием действия, крайней лаконичностью изложения, описательные картины занимают в ней мало места, детали и тропы используются чрезвычайно экономно”, – отмечал профессор-филолог А. Огнев (Огнев А. В. Русский советский рассказ. М., 1978. С. 75).

В зарубежных исследованиях творчество Шукшина также, как правило, рассматривается сквозь призму классического опыта русской словесности, как образец необычайно яркого русского национального искусства.

“Феномен Шукшина – в способности повернуть живую, безыскусную картинку её мудрой стороной, в активности нравственной позиции писателя,

не знающей мелочей и компромиссов в главном, питается он одним корнем — русским национальным складом мышления», — пишет в своей книге «Василий Шукшин и русское духовное возрождение» (Нью-Йорк, 1990) Евгений Вертлиб, бывший ленинградский филолог и историк (Русский рубеж, 1991, № 4. С. 11).

Художественные творения Шукшина пристально изучают в США, Германии, Франции, Болгарии, Венгрии, Польше, Финляндии и других странах (подробно об этом см. мою статью «Разин — лицо поэтическое. Историческая проза Шукшина» // Болгарская русистика. София, 1990, № 3).

Другая мощная стихия, которая изначально захватила и увлекла за собой Шукшина — стихия устного народного творчества. Она служила для писателя не только средством поэтического постижения характеров и обстоятельств, но и одним из могучих источников исконно народного миропонимания, ибо «национальный характер — это не выдумка, а реальность, с которой надо считаться, но которой нелегко дать точное определение», — заметил польский писатель-фантаст и футуролог Станислав Лем (Лем Ст. Что будет через 10–20 лет? // Литературная газета, 1990, 14 ноября. С. 15).

... Когда наступил неистовый шукшинский бум, то порой звучали осторожные голоса: бум, мол, скоро пройдёт, и Шукшина забудут так же, как забывали многих скоропалительно модных, нечаянно вознесённых к вершинам славы авторов. В этом были свои резоны: Шукшину действительно грозило бы скорое забвение, если бы критика оценила его как бытописателя своего времени и не смогла заглянуть в потаённые глубины его художественного нравственно-философского мира.

Разумеется, эстетически самодостаточный читатель и сам, без посредничества критики, мог бы по достоинству оценить уже первые рассказы писателя, опубликованные в крупных периодических изданиях, но литературная критика 1960-х годов смогла распознать в нём весьма самобытного и перспективного художника слова и в своих высоких оценках не ошиблась.

В 1990-е годы писатель и в самом деле на некоторое время как бы ушёл в тень, заслонённый огромными социальными катаклизмами в России, но не исчез. Сегодня же Шукшин обретает особый, ориентирующий нас смысл: на пределе безграничной открытости писатель вновь и вновь говорит нам об ответственности и муках нашего деформированного сознания. «Шукшин — художник, несущий в себе муку национального самосознания русского народа», — подчеркнул выдающийся литературовед XX века А. И. Хватов в своём памятном выступлении на Герценовских чтениях (г. Ленинград, Российский госуниверситет им. А. И. Герцена. 1991 год, 23 апреля).

Неистовый шукшинский вопрос — «Что же с нами происходит? — во всей своей трагической сущности предстал сегодня, быть может, ещё более обнажённо и значимо, нежели в 1960–1970-е годы, когда гроза грядущих народных бед и потрясений ещё только погромыживала вдали и, казалось, ничего опасного в социальном плане не сулила...

В одном из своих последних интервью писатель тревожно обронил: «Вопросы расплаты за содеянное меня живо волнуют...»

... Вместе с тем и сегодня критики и литературоведы порой упрощают творения Шукшина, исходя из обманчиво-ложной простоты и безыскусности (между тем, это подлинно чеховская простота и безыскусность!) его знаменитых рассказов о «чудиках». Это обманчивое ощущение мгновенно пропадает, как только начинаешь постигать нравственно-философскую глубину его воззрений, особенно цельно воплощённую в романе «Я пришёл дать вам волю». Думается, именно в этом произведении писатель сумел достигнуть пика в своих многотрудных и нередко противоречивых творческих исканиях, связанных с постижением самобытной и «загадочной» русской души во всех её трагических исканиях, духовных изломах и духовно-нравственных испытаниях.

Ещё и сегодня в научных (!) работах о Шукшине можно прочитать хвалебные речи в его адрес с бездумным отнесением писателя к разряду «деревенщиков» (бытовал некогда такой вульгарно-социологизированный штамп, адресованный художникам слова, прекрасно писавшим об актуальных проблемах сельской жизни в России, — Белову, Распутину, Астафьеву, Абрамову, Ан. Иванову, Носову...).

«В части нашей литературы, да и в журналистике утвердился, не знаю уж, с чьей лёгкой руки, термин «деревенщик», — писал Шукшин. — Слово достаточно уродливое, впрочем, как и само понятие. Предполагается, что

вышеупомянутой “деревенщик” разбирается досконально только в филосов сельской жизни, о чём исключительно и пишет... Героями моих фильмов и книг часто становятся выходцы из села отнюдь не потому, что я считаю их лучшей частью человечества. Просто этих людей в силу собственных биографических обстоятельств знаю лучше прочих...” (Шукшин В. М. Собр. соч. в восьми томах, Барнаул, 2009. Т. 8. С. 120).

“В. М. Шукшин был художником переломной эпохи... Он отразил в своём творчестве проблемы, характерные для поворотного момента в развитии страны, — отмечают А. И. Куляпин и О. Г. Левашова в своём предисловии к Собранию сочинений В. М. Шукшина в восьми томах (Барнаул, 2009). — В начале XXI века стало в полной мере очевидно, что рассматривать Шукшина только как писателя-деревенщика невозможно; автор “Калины красной” в той же мере является представителем интеллектуальной, философской, “игровой” прозы второй половины XX в<ека>. Его эстетические пристрастия определились деревенским послевоенным детством, близостью к величавой природе Алтая, сложным восхождением к высотам духовной культуры, полемической позицией по отношению к ведущим культурным и идеологическим направлениям 1960–1970-х г<одов>.” (См.: Горький, мучительный талант... Шукшин В. М. Указ. собр. соч. Т. 8. С. 5).

На философскую природу художественного мышления писателя указывает И. Спиридонова: “В центре творчества Шукшина стоит проблема личности с её вечной и всегда остросовременной драмой свободы и совести... В судьбе и характере вольнолюбивого атамана (Разина. — В. Ю.) Шукшин искал ответы на самые проклятые вопросы своего личного и общенационального бытия” (Спиридонова И. А. Степан Разин Василия Шукшина // Русская литература. 1990, № 4. С. 18).

Об актуальной философской сущности шукшинского романа писал Евгений Черносвитов: “Прочтите внимательно “Я пришёл дать вам волю”. Не только о конкретном историческом периоде России эта книга. Это настоящий духовный анализ, восхождение к истокам нашим: туда, за черту христианства, ко времени и месту наших предков... Шукшин чрезвычайно страшен для всяких лазутчиков и диверсантов, подрывающих основы нашей духовности. Уж больно они активизировались во время большой ломки, которая происходит в нашей стране. Вот один пример. Пущен в оборот термин “космическое сознание” и создан кентавр “русский космизм”. И проглатываем, и не задумываемся. Власть космоса или земли. Третьего не дано. Шукшин-то выбрал второе. Он советует быть ближе к земле, приглядеться к ней повнимательнее, в микроскоп — тоже своеобразный символ земной ориентированности... А кому молятся лучшие шукшинские герои? Земной Божьей Матери. Присно Дева у него — с глазами земной женщины. Шукшин не только духовник. Он провидец, учёный-политик. Если бы нашим парламентариям да прочитать как следует роман Шукшина “Я пришёл дать вам волю”! Все пороки нашего государственного устройства там доступно изложены” (Черносвитов Е. Прорваться в будущую Россию // Учительская газета, 1990, № 43. С. 12).

“Я пришёл дать вам волю”, по выражению автора, “история души” одарённой личности, брошенной волею обстоятельств в кипящий котёл событий. “Меня больше всего интересует “история души”, — признавался писатель, — и ради её выявления я сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует...” (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 1. С. 57).

Но почему всё-таки “история души”, то есть сложный, противоречивый и вместе с тем обаятельный внутренний мир Степана Разина столь больно волнует и тревожит Шукшина?

Думается, истоки пристального интереса писателя к характеру легендарного героя следует искать в мировосприятии и жизненной судьбе Шукшина, а также в многострадальной судьбе его вольнолюбивых предков — земляков, населивших Алтайский край, в горячей, пламенной любви к своей малой родине — селу Сторки, где он родился и вырос, где впервые соприкоснулся с вековечным крестьянским трудом, где осознал себя частицей огромного крестьянского моря, некогда выплеснувшегося на Алтай с Дона и Волги.

Свободолюбивый, гордый, независимый дух предков вдохновил писателя на создание эпически величавой и лирически щемящей романной поэмы донскому казачеству и российскому крестьянству, хлынувшим в далёкие

вольные земли Сибири с юга России в поисках воли и счастливой доли...

“В “Степане Разине” меня ведёт та же тема, которая началась давно и сразу, – российское крестьянство, его судьбы, – пояснял Шукшин. – На одном из исторических изломов нелёгкой судьбы русского крестьянства в центре был Степан Разин. Поэтому – Разин... Я по происхождению крестьянин. Как только захочешь всерьёз понять процессы, происходившие в русском крестьянстве, так сразу появляется непреодолимое желание посмотреть на них оттуда, издали. И тогда-то возникает глубинная, нерасторжимая, кровная связь – Степан Разин и российское крестьянство... Не менее глубокой проблемой был для меня и сам Степан Разин. Кто он, что он, каков он – не внешне, а по сути своей, по глубине, – на это надо отвечать. С высоты трёхсот лет фигура Разина гораздо сложнее, объёмнее, противоречивее. В своём неудержимом стремлении к свободе Разин абсолютен современен, созвучен нашим дням. При всём том он остаётся человеком своего века” (Шукшин В. М. Степан Разин – легенда и быль // Литературная газета, 1970, 4 ноября. С. 8).

Как видим, обращение писателя к исторической теме, к образу Разина – закономерный итог его сложной творческой эволюции, плод глубоких раздумий об исторических судьбах русского крестьянства, наконец, попытка соединить в целостную нить прошлое и настоящее, вывести из истории в наш день непреходящие нравственно-философские поиски и конфликты, стремление их развязать, актуализировать, ответить на актуальные вопросы современности в свете прошлого. Это начисто снимает дилетантское удивление, некогда царившее в профессиональной литературно-критической среде: “Как?! Шукшин – этот природжённый новеллист, признанный мастер “деревенской прозы”, и вдруг историк, XVII век, Разин... Такой поворот!”

“Почему эта фигура казачьего атамана выросла в большую историческую фигуру? – задаётся вопросом писатель и отвечает: – Потому что он силой и своей неуёмностью, своей жалостью даже воткнулся в крестьянскую боль...”

...В текущей литературе, публицистике широко декларируются пресловутые “общечеловеческие ценности”, благородные христианско-православные заповеди, однако от чрезмерного и бездумного использования они имеют обыкновение стираться, как пятаки, абстрактно-беспредметные гуманистические призывы остаются призывами, опасно деформируя и без того искривлённое сознание современников. Нужно время, нужны большие усилия для усвоения нравственно возвышенных заповедей. Библейские истины нередко становятся достоянием обыденного сознания – вот что страшно.

А поможет нам найти прочные и надёжные опоры для оптимистических расчётов то, что предельно ясно раскрылось в философском мире Шукшина: сама реальность русской национальной сущности, представшая у писателя в бесконечном многообразии, в исключительно обнажённой правде жизненных гримас.

У Шукшина есть всё-таки великая духовная опора, которая способна поддержать в лихую годину. Уверенно стоя на позиции безусловного жизнеутверждения, непоколебимой веры в Россию, в русский народ, Шукшин внушает нам оптимистическую ясность и духовную прочность.

...Часы идут, дни бегут, а годы летят. Всё больше растёт интерес не только к самобытному и многогранному творчеству В. М. Шукшина, но и к его незаурядной личности, яркой и многотрудной судьбе.

Неожиданная, скоропостижная, горячо опалившая кончина Василия Макаровича 2 октября 1974 года, когда ему было всего-то 45 лет, в возрасте, который называют цветущим, потрясла Россию. Не случайно появилась экзотическая версия о насильственной гибели Шукшина: якобы он был застрелен “по-настоящему” при съёмке эпизода боевой атаки в кинофильме “Они сражались за Родину”, в котором Василий Макарович блистательно сыграл роль сержанта Лопухина. Широко разнеслась версия “отравления” Шукшина на теплоходе, когда снимался этот фильм: якобы в каяту, в которой он спал, ночью был пущен газ, вызвавший у него инфаркт...

О “насильственной смерти” Василия Макаровича не раз сдержанно упоминала и его супруга, талантливая актриса Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина, не вдаваясь в подробности. Выдающийся советский кинорежиссёр Сергей Бондарчук как-то горестно обронил: “Васю убили! И я знаю – кто...”

Избавиться от нахлынувших мистических представлений тут и в самом деле нелегко, особенно если вспомнить, что творческий путь писателя не был усыпан розами. Достаточно вспомнить, что своё последнее письмо к матери в село Сростки Шукшин отправил из донского посёлка Клетский, где снимался фильм “Они сражались за Родину”, 28 сентября 1974 года. Мать получила его 2 октября – в день смерти сына. Написано письмо было **красными чернилами** и заканчивалось припиской: “Сюда уже больше не пиши”...

Твёрдые и последовательные национально-эстетические ориентиры писателя крайне раздражали кислотную либерально-космополитическую публику. Пристально наблюдая за стремительным творческим ростом Шукшина и его безусловным тяготением к истокам формирования русского национального самосознания, критики-“интернационалисты” пытались переломить мировоззрение писателя, перевести его творчество на культивируемую ими методологию пресловутых “общечеловеческих ценностей”, упростить и примитивизировать его творчество, представить Шукшина как деревенского “самородка” и рассказчика-“бытовика”, якобы “не способного” к художественному воплощению глобальных вопросов времени. Не случайно его произведения зрелого периода с немалым трудом пробивали себе путь в советские журналы и книгоиздательства, а законченный киносценарий по роману “Я пришёл дать вам волю”, в котором Шукшин намеревался сыграть роль Степана Разина, так и не был реализован. Это не могло негативно не отразиться на здоровье писателя.

Последовательная и принципиальная устремлённость Шукшина к своим корневым национальным истокам, его всё более зреющее и жёсткое неприятие русофобских вывихов в литературе и искусстве 1960–1970-х годов формировали устойчивую к нему ненависть со стороны агрессивно-либеральной публики, что не могло не ранить его чуткую, восприимчивую душу. Враждебные антирусские силы старательно подставляли ему ножку на всём пути его многогранного творчества. Достаточно напомнить, что фильм о Степане Разине не состоялся, прежде всего, потому, что в образе легендарного исторического персонажа Шукшин, вопреки расхожему в либеральной среде мнению, будто русский человек изначально глуп, малообразован, некультурен и наивен, как малое дитя, хотел воспеть сильную, волевою и вместе с тем добрую, чистую и открытую русскую душу, а ему всеми силами мешали: упрекали, что якобы сценарий слишком длинный, мол, личности Разина приданы несвойственные народному буйному бунтарю благородные черты и пр., и пр. Но эти придиришки были лишь формальным поводом, чтобы помешать воплотить на экране широкую русскую душу во всех её необъятных нравственных колебаниях и глубоких душевных проявлениях, в контексте бурных исторических катаклизмов.

В представлении Шукшина, Степан Разин – “не традиционный великан, с ломаной бровью, пугающий Стенька Разин”, как повелось его изображать в искусстве. “Я хочу снять с него внешнюю богатырскость и привлечь внимание зрителя к его уму... Другая грань его личности, которая выдвинула Разина в истории, в событиях, в памяти, – громадная, чисто русская любовь к простым людям, его заступничество. В сценарии (и в романе “Я пришёл дать вам волю”. – **В. Ю.**) Степан экспансивен, трясти его начинает, когда видит, что обижают простого человека. И, по-моему, это искренне. Это так и было. Таким он остался в преданиях, таким создал его ещё один – самый великий художник – народ. Таким Степан и живёт” (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 104–105).

“Степан, каким Вы его написали, не из тех героев, которых принимаешь на веру, – говорилось в одном из откликов на роман Шукшина “Я пришёл дать вам волю”. – И мне нравится, что он обрисован как сложнейшая, противоречивейшая фигура. В его противоречиях – коллизия времени” (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 114).

...Преждевременная смерть В. М. Шукшина всколыхнула всю Россию. На неё горячо и трепетно откликнулись не только известные мастера пера, деятели культуры, кино, чиновные лица, но и самодеятельные стихотворцы. Можно было наблюдать удивительные вещи. Видный русский литературовед, автор многих академических трудов о советской литературе, в том числе о прозе Шукшина, Леонид Фёдорович Ершов обнаружил новую ипостась своего творческого дара – написал пронзительные лирико-философские стихи, посвящённые Василию Макаровичу:

ТЕРЯЕМ

*Внезапно смерть его взяла.
Все смертны мы
И это знаем.
Но как утрата тяжела,
Когда таких людей теряем!..
Не бережём при жизни их,
Ранимых клеветой и злобой.
И настанёт расплаты миг —
Кричим вослед:
— Он был особый!!
Он был, — кричим, — неповторим,
Неповторим, — мы повторяем.
Ушёл один,
А вслед за ним
Ещё кого-нибудь теряем...*

Пламенно и нежно, простыми, бесхитростными строками отозвались на смерть Шукшина его земляки-алтайцы: учителя, журналисты, рабочие, сельчане, учащиеся школ, студенты, военнослужащие.

Мне удалось собрать несколько таких жгучих, рвущих душу самодеятельных стихов. Некоторые из них предлагаю здесь читателям под общим названием “Грустит Катунь о Шукшине”.

*От крутых ледников
С вершины Алтая
Катунь говорливая
Воды несёт.
И, думы свои
Лишь ему доверяя,
Катунь Шукшину
Свои песни поёт.*

* * *

*Катунь босоногое детство
ласкала,
Катунь воспитала и волю
дала,
Катунь на заре
в дальний путь провожала,
Катунь с Шукшиным
неразлучной была...*

* * *

*Как Волга ждала атамана
Степана,
Катунь Шукшина до сих пор
ещё ждёт.
Судьба Шукшина, словно
строчка романа,
Калиною красной
в народе живёт.*

А. К. Аджикаев,
г. Свердловск

*И, измеряя жизнь
по людям Сросток,
к родной земле Антеем припадал,
ступал ногой босой
по травам росным...
Здесь мощью новой думал и писал.
Ему опорой –
вечные Святые.
Душе отрадой –
Правда и Добро.
И кровь его вскипает в жилах,
Стынет,
когда из тьмы свой лик являет зло...*

Неизвестный автор

... Был в нём крепкий русский стержень, испокон веков присущий нашему народу. Оттого и книги В. Шукшина так чисты и правдивы. Эта мысль была стержневой во всех выступлениях участников и гостей научно-творческой конференции в Сростках в 2009 году.

Он не был мастером словесной вязи, но в его строчках столько неистовой боли, страдания, искренней сыновней любви к своей великой и печальной, соловьиной Родине-матери, что после первых же страниц забываешь про всё на свете и дышишь одним воздухом с его незамысловатыми, колоритными “чудиками”, живёшь одной жизнью с русскими людьми, которыми густо заселён мир его необычайного творчества.

И ещё он умел верить. Верить так, как дано далеко не всякому. И вера эта в свой народ, в будущее тоже крепко держалась на любви к России. Об этом свидетельствуют все материалы, воскресившие образ Василия Макаровича на многих страницах статей и книг о нём.

Вспоминаю 2009 год. На Алтае он был объявлен годом В. М. Шукшина. Но не только Алтай – вся Россия отмечала 25 июля его 80-летний юбилей. На малой родине Шукшина, в Сростках, собрались многие почитатели его выдающегося, истинно народного таланта. Приехали писатели из Москвы во главе с В. Г. Распутиным, большая группа кинематографистов, вдова писателя Лидия Николаевна и его дочери. На конференцию прибыли учёные-филологи из Бельгии, Латвии, из разных городов и всей России.

Прежде в течение ряда лет в июле проводились широкие Шукшинские чтения, ставшие традиционными. В год 80-летия писателя был впервые проведён Всероссийский фестиваль “Шукшинские дни на Алтае”, а предшествовала ему Международная научно-творческая конференция в Алтайском государственном университете в Барнауле “Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве”, которая продолжалась в Бийском государственном университете им. В. М. Шукшина. И завершился этот большой всенародный праздник 25-26 июля открытием XI Шукшинского кинофестиваля в Сростках. А осенью, в Дни памяти, 2-3 октября во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике в с. Сростки прошла традиционная плановая конференция “Шукшинские чтения”, посвящённая 80-летию В. М. Шукшина и 100-летию со дня рождения его покойной матери, Марии Сергеевны.

“На вашу просьбу, как идёт подготовка к юбилею, отвечаем, что, действительно, работы проводится много, – писала мне мл. научный сотрудник Музея В. М. Шукшина в Сростках Вера Игоревна Галина в декабре 2008 года. – Нынешний год – юбилейный у самого музея, ему уже 30 лет! Идёт строительство административного здания для музея, проводится ремонт школы, Дома культуры села, после реконструкции открыта библиотека В. М. Шукшина, и, наконец, в Сростках появилась и с января 2009 года начнёт действовать Церковь во имя святой великомученицы Екатерины. Это великолепная архитектурная постройка, думаю, Вы удивитесь! У самого музея, которым по-прежнему руководит Лидия Александровна Чуднова, большая нагрузка, связанная с огромным потоком посетителей, и подготовительная работа к открытию литературной экспозиции.

Конечно, это напряжение, но и радость для коллективного труда единомышленников...”

Для любого человека, кому выпадает счастье побывать на Шукшинской фестивале, поездка к Шукшину – не просто незабываемая увлекательная поездка за впечатлениями. Это экзамен. Ибо писать и говорить об этом надо без фальши, с чистым и светлым настроением души и сердца.

Не сомневайтесь, что и в нынешнем, юбилейном году 90-летия Василия Макаровича Алтайская земля вновь с радостью встретит много гостей. Научное шукшиноведение пополнится новыми изысканиями, посвящёнными его блистательным творческим обретениям.

В. М. Шукшин писал: “Нам бы о душе не позабыть!..” В этих словах заключено редчайшее провидение, предчувствие огромных перемен и потрясений, в которые скоро будет ввергнута Россия...

Люди едут к Шукшину в Сростки. Поклониться его земле и попытаться понять самим и поведать другим: что за живительные воды питали его глубоко народный талант? И так хочется, чтобы каждый, кто прикасается сегодня к Шукшину, мог бы произнести вслед за ним: “Верую! Верую в Россию, в её будущее...”

В июне 1974 года, в последние дни своей жизни Шукшин встретился с М. А. Шолоховым в Вёшенской (завершались съёмки фильма “Они сражались за Родину”). Усадили его рядом с хозяином дома. Когда пришла пора сказать ему своё слово, он с чувством произнёс: “Я сейчас хочу сказать не как артист, не как кинематографист, а как литератор. **Мы распустили нацию, нам предстоит большой труд собрать нацию**”. В ответ на эти слова поднялся Шолохов, понявший сразу серьёзность момента, и предложил: “**Давайте выпьем за Васю Шукшина – собирателя земли Русской**”.

Размышляя о Шукшине, видишь одно, ключевое – он был заложником Правды, дав свою, глубинную формулу её толкования – “Нравственность есть Правда” – и добавил отдельно: “Литература есть Правда. Откровение. И здесь абсолютно всё равно – кто смелый, кто сложный, кто “эпопейный”... **Есть Правда – есть литература**. Ремесло важно в той степени, в какой важно: нацищенный самовар или тусклый. Был бы чай. Был бы самовар не худой”.

При всём драматизме и трагизме поисков своего места “под солнцем” положительно прекрасные герои Шукшина лишены и намёка на лукавство, светятся удивительной добротой и щедростью своей души, они просты, но не простоваты, они вечные странники-праведники, искатели большой жизненной Правды. Они – рупор трудных и, порой, противоречивых нравственных поисков и размышлений своего автора.

“Главные составляющие эстетики Шукшина – Труд, Красота, Нравственность и Правда. Все эти категории проверены веками существования народной культуры. Такие высказывания, как “Угнетай себя до гения”, “Нравственность есть Правда”, “...литература есть ПРАВДА. Откровение”, “...хочешь быть мастером, макай своё перо в правду”, “Сложное – просто...”, определили эстетическое кредо писателя”, – подчёркивают А. И. Куляпин и О. Г. Левашова. (Там же).

Свой последний авторский фильм “Калина красная” Василий Шукшин снимал в вологодских краях, в Белозерье. По ходу съёмок он несколько раз встречался со зрителями, настоятельно призывая задуматься о том, что с нами происходит ежедневно: “А сами с собой мы остаёмся пореже. Но... надо, наверное, оставаться. Вот... Например, прожит день, оглянулся – что-то сделано, такой сокровенный праздник души, не зная хоть иногда такого праздника – величайшая бедность... **Нам бы про душу не забыть. Нам бы неможно лучше быть. Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть... Мы один раз, уж так случилось, живём на земле...**”

По прошествии лет невольно задаёшь себе вопрос: ну, а что мы, потомки, о которых так трепетно болела душа у Шукшина, сделали для него, для увековечивания его выдающегося народного таланта?..

Сделали, к счастью, не так уж мало, но предстоит гораздо больше. И не только в плане увековечивания его доброго имени в названиях улиц и площадей, школ и библиотек, написания о нём умных книг и статей и т. п. Речь идёт о более глубинном понимании творчества Шукшина как ярчайшего явления русского национального искусства, нашей самобытной культуры и литературы,

в аспектах внимания писателя к устному народному творчеству, к эстетическим традициям и новаторству удивительного художественного слова Шукшина. Тут ещё непочатые пласты новых открытий и обобщений.

Между тем, как ни прискорбно говорить, произведения Шукшина крайне мало изучаются в школах и гуманитарных вузах. На филологических факультетах госуниверситетов, казалось, сам Бог велел обстоятельно изучать его многогранное творчество. Однако вместо этого студенты зачастую весьма легкодумно “выбирают” для чтения книги Шукшина или другого автора по вариативному списку произведений, рекомендованных “для чтения”, то есть хочешь – читай Шукшина, хочешь – не читай, руководствуясь своими субъективными “вкусовыми ощущениями”...

Что это – бессознательное и бездумное методическое упущение или преднамеренная невежественная акция, чей-то злой умысел?.. Не стану сгущать краски, но и довольствоваться таким печальным фактом недопустимо. Нельзя ограничиваться лишь праведными воспоминаниями о Шукшине только на юбилейных торжествах, посвящённых его выдающемуся творчеству. Скудоумие начинается как раз с того, что мы вспоминаем иных гениальных художников слова “по случаю” их “круглых” юбилеев...

Имя В. М. Шукшина по праву вписано в классику русского национального искусства, в филологии образовалась наука – шукшиноведение. К 80-летию писателя выпущен вышеупомянутый качественный восьмитомник собрания его сочинений, вышедший, правда, очень уж малым тиражом – всего 5 тысяч экземпляров, – ставший, без преувеличения, золотым раритетом.

Есть надежда, что грядущий юбилей В. М. Шукшина пополнится новыми исследованиями его замечательного творчества, а восьмитомник собрания его сочинений будет, как минимум, переиздан куда более солидным тиражом и в надлежащем полиграфическом исполнении.

“В восьмом томе Шукшин предстаёт как личность, во многом не знакомый нам человек, – поведал кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ Дмитрий Марьин. – Сюда вошла его публицистика – интервью, литературные беседы, статьи. Набралось более 30 текстов, причём часть мы нашли в ведомственных и местных газетах. Впервые опубликованы многие из 134 писем Василия Макаровича... Особо интересны исследователям, как мне кажется, пять его автобиографий. Шукшин ведь в какой-то степени создал миф о самом себе, сознательно искажая некоторые моменты своей биографии, в частности, касающиеся репрессированного отца. Однажды он написал про него: “Погиб на войне”. В другой автобиографии читаем: “Лишившись родного отца...” – и ничего о причинах. Только после смерти Сталина Шукшин сказал всё, как есть”.

... До последнего времени было известно немногим, что Шукшин писал также стихи, которые он читал, как правило, в кругу друзей, иногда – на творческих встречах. Но никогда не публиковал их под своей фамилией. Они появлялись либо в виде стихотворных эпиграфов к рассказам, либо в виде стилизации под народные песни, как, например, в романах “Любовины” и “Я пришёл дать вам волю”. Вот одно из них – “О ремесле”:

Музы!.. Делайте, что хотите!

Душу надо?

Могу продать.

Славу встречу!

Научите

Словом, как дротиком, попадать.

1961

В восьмитомнике собрания сочинений писателя насчитывается около двух десятков его стихотворений. Но, полагаю, в реальности их гораздо больше.

Любопытно, что творчество В. М. Шукшина серьёзно начали изучать первыми не в СССР, а на Западе. Иностранцев исследователей заинтересовали “странные” герои Шукшина – “чудики”, то есть сельские люди, попавшие под пресс урбанизации, уже не крестьяне, но ещё не горожане. Именно на Западе о них сказали как нельзя более точно: “Крестьяне с душой интеллигентов”. По сути, сам Василий Макарович был таким, не случайно в каждом из

его положительно-прекрасная персонажей можно без труда усмотреть особенности черт его характера и мышления.

К слову, об интеллигентности в понимании Шукшина... Вот как он писал: "...Явление это — интеллигентный человек — редкое. Это беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется — для созвучия — "подпеть" могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса "что есть правда?", гордость... И — сострадание к судьбе народа. Неизбежное, мучительное..." (Шукшин В. М. Монолог на лестнице. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 22).

Между тем, никакого "расщепления души", "раздвоения сознания", никакой "ущербности" у шукшинских героев, как утверждали иные прозападные знатоки русской души, у писателя не было и в помине.

Как сильная, цельная личность, народный художник крепко и уверенно стоял на позициях утверждения тех вековых духовных ценностей, которые утверждала отечественная классическая литература — Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов, Шолохов, Леонов... Труд, Правда, Совесть — вот те главные ценности, что издревле возводились на Руси в высший ранг уважения и почёта.

"Русский народ за свою историю отобрал, возвёл в степень уважения такие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту..." — не раз подчёркивал Шукшин. В центре его творчества неизменно находится традиционный для русской классики "маленький человек" — "чудик", которого недалёкие "профессионалы" от литературы, не поняв его глубинной философской сути, отождествляли с заурядным чудаком, а то и простоватым мужичком-дурачком.

На самом деле "чудик" — человек с высокой, одухотворённой и беспокойной душой, живущий по нравственному кодексу Чести и Совесть. И никакой он, по сути, не странный. Таким в идеале должен быть человек от Бога. Станным он выглядит лишь в глазах обывателя и приспособленца, растерявшего человеческое достоинство и свои душевные качества.

Простой человек, "извечный труженик", на котором русская земля держится, — вот перед кем преклонялся, "снял шляпу" Василий Макарович. Вспомните его гимн вековому крестьянскому укладу: "...Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен в целом, начиная с языка, жилья... нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых, в сущности, отношений между людьми... там много, очень много работали... Вспоминаю дядю Ермолая. И его тоже поминую — стою над могилой, думаю. И дума моя о нём — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как мой дед, бабка... Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их..."

Для Шукшина, взращённого глубинными народными соками, Родина — высшая Святыня и опора: **"Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда... Какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Моё ли это — моя родина, где я родился и вырос? Моё. Говорю это с чувством глубокой правоты, ибо всю жизнь мою несу родину в душе, люблю её, жив ею, она придаёт мне силы, когда случается трудно и горько... Она и живёт постоянно в сердце, и образ её светлый погаснет со мной вместе. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будь ты счастлива, и я буду счастлив"** (Шукшин В. М. Указ. собр. соч. в восьми томах. Т. 8. С. 54-55).

Шукшинское мировоззрение, его творческий идеал, его духовно-нравственная, осветлённая православным сознанием эстетика зиждется на признании и бескомпромиссном утверждении корневых основ русской национальной жизни. **"Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши, невероятной тяжести победы, наши страдания — не отдавай всего этого за понюх табаку"**, — словно пристально вглядываясь издали в наше суровое драматическое время, умоляет нас Шукшин, удивляясь и восхищаясь невероятным русским многотерпением. В то же время резко ругая, осуждая нас за это терпение и одновременно слёзно жалея русского человека той

горькой жалостью, на которую способен художник, вышедший из глубинных недр простого народа.

...Приезжая в Сростки, я всюду вижу просветлённые, добрые лица. И думаешь: жива Россия Шукшина!.. Вот он, секрет всенародной тяги народа к Шукшину и его родным Сросткам: Шукшин необходим людям как символ нашего несломленного духа, как глоток свежего воздуха, как живительный родник, к которому нужно припасть, чтобы, как он выражался, “обрести утраченный напор в крови”...

*Грустит Пикет.
Катунь раздольно льётся,
Шумит окрест
Студёная волна...
И едут люди в Сростки
Поклониться
Святой земле,
Взрастившей Шукшина...*

г. Тверь